

Духовное пространство

Сергей Рахманинов. Нью-Йорк, 20-е годы.

Рос. газ. - 1993 - 8 мая - с. 6

Три вершины

Празднование 120-летия Сергея Васильевича Рахманинова продолжается. Концерты, посвященные памяти великого композитора, прошли в Тамбове и Ростове-на-Дону, а с 10 по 12 мая в Московской консерватории состоится международная конференция и концерты с участием прославленных коллег-инструменталистов и солистов.

Среди людей, близко знавших великого композитора и оставивших о нем воспоминания, одним из первых надо назвать Леонида Леонидовича САБАНЕЕВА. Ученик С. Танеева, музыковед и музыкальный критик, в 1926 году он выехал на Запад — сначала во Францию, затем в Англию и США. Статья, которую мы печатаем в сокращении, была опубликована весной 1963 года в нью-йоркской газете «Новое русское слово».

С Сергеем Васильевичем Рахманиновым я прожил почти всю мою музыкальную жизнь: он был старше меня на семь лет, и первым нашим общим музыкальным учителем был Н. С. Зверев. Когда Зверев (в последние годы своей жизни) часто прихварывал (он вел очень бурный образ жизни всегда), он присылал вместо себя одного из своих более подвинутых учеников. Рахманинов был одним из них, и я очень хорошо помню его юношескую, необычайно длинную фигуру, басовый голос и великую (в те годы) застенчивость. Он уже был восходящей звездой консерватории...

В Москве он считался как бы естественным преемником Чайковского именно в плане композиции (как пианист он в те годы еще не был прославлен — тогда героем пианизма считался Иосиф Левин). В московском музыкальном мире в те годы не было борьбы «музыкальных партий» — москвичи были более или менее «консервативны»: обожали Чайковского, Аренского, Глинку, классиков — Шопена, Шумана. Ненавидели и насмехались над Вагнером и Вердиозом и над «русской могучей кучкой» (само это название было по существу ироническим и родилось в Москве).

Враждебность была только типа «конкуренции». Петербург же был ареной борьбы и музыкальных партий, и той же неминуемой в художественном мире «конкуренции». Между Москвой и Петербургом была определенная вражда, которая являлась, несомненно, следствием конкуренции двух столиц...

Рахманинов блестяще дебютировал своей еще ученической работой — экзаменационной оперой «Алеко». В ней уже чувствовались размеры его дарования, чувствовалось и то, что новый молодой композитор был не простым подражателем кумира москвичей — Чайковского, но был не чужд значительного «новаторства» — в частности, должен отметить несомненные влияния на его творчество музыки «могучей кучки» (преимущественно Бородина и Балакирева), а также Листа и Вагнера...

Славу первых композиторских шагов Рахманинова составили его ранние произведения типа фортепианных и вокальных миниатюр — в том числе его знаменитая «Прелюдия в до диез минор», популярность которой была столь велика, что в последние годы своей жизни Рахманинов ее «почти что ненавидел» и «слышать не мог» (его собственные слова). Композиторская слава его постепенно крепла, а попутно он сам усовершенствовался в области пианизма: я склонен думать, что своим пианизмом, совершенно изумительным по мощности, проникновенности, техническому совершенству и оригинальности интерпретации (в особенности своих собственных сочинений) он обязан именно самому себе...

Игра эта была совершенно в том же стиле, как и его творчество: могучее, глубокое и почти неизменно трагическое. Не будучи композитором «этнографического» типа (как большинство композиторов «русской школы»), он тем не менее всегда чувствуется как «национально-русский» композитор, который не мог возникнуть ни в какой иной стране...

Приблизительно в последние годы прошлого века Рахманинов пережил некоторые художественные «неприятности» — главным образом бывшие следствием упомянутой мной выше антагонистичности московского и петербургского музыкальных миров: его Первая симфония (на церковные темы «Октоиха» — «осмогласия») провалилась в Петербурге под управлением Глазунова. К «москвичу» там отнеслись недостаточно внимательно: в петербургском музыкальном мире были свои любимцы, и москвичей там недолюбливали. Глазунов (не любивший музыки Рахманинова, в чем он мне сам признавался) отнесся небрежно к произведению молодого композитора, и оно не произвело никакого впечатления... На Рахманинова, которому в те годы было двадцать с небольшим, этот провал симфонии, которую он сам высоко ставил, произвел потрясающее впечатление (что, возможно, происходило и оттого, что его первые шаги были встречены с энтузиазмом), и он одно время был на грани психического заболевания. Спас его доктор Даль, вылечивший его гипнозом. Тем не менее период депрессии продолжался почти три года: он почти готов был бросить музыкальную карьеру.

Воскрешение Рахманинова к творческой жизни было ознаменовано его Вторым фортепианным концертом, который и доныне является любимейшим концертом пианистов всего мира...

Имя Рахманинова в эти годы в России стояло наравне с именами крупнейших русских авторов (живых) — наравне с именами Римского-Корсакова, Балакирева, Скрябина, Глазунова, Метнера: он был общепризнаннее в широчайших кругах, чем все вышеупомянутые, разве только кроме Римского-Корсакова.

Так продолжалось до критического года России (1917), когда Рахманинов, несмотря на то что был величайшим патриотом и любителем всего «русского», решил уехать за границу, предчувствуя, что дело окажется серьезным. Предчувствия его не обманули: он был лишен всего своего состояния (которое было немалое) и уехал почти без гроша в кармане — это была его вторая трагедия жизни. Благодаря своей уже мировой известности, он очень быстро вернул себе состояние: музыка его всегда выручала...

Дом Рахманинова был в заграничных условиях жизни всегда «оазисом России прежних времен»: он много помогал русским беженцам, помогал с несравненной деликатностью, размеры которой несколько сузились, потому что по состоянию здоровья он уже не мог дирижировать оркестром — один из трех ликов его музыкальности уже исчез, другой (композиция) — несколько поубавился. Но надо учитывать, сколько он сделал для музыки вообще и для русской музыки в частности...

Рахманинов, будучи великим пианистом, гениальным композитором и великолепным дирижером, был, кроме того, еще совершенно исключительным человеком. Человеком великого духа и чудной души: масштаб его личности, по моему мнению, превосходит едва ли не всех музыкантов современности (да и не только современности).

1108

128